

СОЦЗАЩИТА

Фонд «Теплый дом» решает главную проблему множества одиноких матерей — предоставляет им крышу над головой, а также помогает разобраться с остальными

ДИМИТРИЙ ПЕВЧЕНКО

«ТОЛЬКО НЕ В ДЕТСКИЙ ДОМ»

Многие считают, что с сиротством можно бороться только одним способом — предотвращать поступление детей из семей в детские дома. Для этого нужно оказывать помощь женщинам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Спецкорреспондент ИД «Коммерсантъ» **Ольга Алленова** побывала в двух некоммерческих и одном муниципальном социальных приютах, чтобы выяснить, насколько этот способ эффективен.

Большой кирпичный дом у дороги, защищенный высокой стеной. С виду — типичная загородная усадьба обеспеченной московской семьи. На самом деле — социальный приют для одиноких мам «Те-

плый дом». Это проект благотворительного фонда «Волонтеры в помощь детям-сиротам». Сегодня здесь живет семь женщин и восемь детей.

По словам руководителя фонда Елены Альшанской, организация долгое время пыталась решать проблемы сиротства в

меру своих возможностей: создала волонтерские группы для работы в детских домах и больницах (они работают и сегодня), оказывала правовую помощь в усыновлении. Но в итоге сирот меньше не становилось. Пока не повлияли на сокращение обитателей сиротских учрежде-

«Сейчас выросло поколение 1990-х, у него огромные проблемы с жильем: либо родители продали жилье и ютятся в коммуналке, либо вообще нет своего жилья»

ний и правительственные меры по стимулированию усыновления — как социально-правовые, так и финансовые.

Специалисты пришли к выводу, что единственный способ уменьшить количество сирот в России — предупреждать сиротство, то есть помогать женщинам, попавшим в сложную жизненную ситуацию, справляться с ней и не бросать своих детей. Около половины женщин, оставивших детей в сиротских учреждениях или лишенных органами опеки родительских прав, могли бы воспитывать своих детей, если бы имели более стабильное социальное положение, считает Альшанская.

Фонд «Теплый дом» — отличное подтверждение этой версии.

Яне 20, а ее сыну Денису полгода. Родилась Яна в Киргизии, в подростковом возрасте переехала с семьей в Рязанскую область. Когда ей было 16, родители уехали на заработки в Москву. Яна тогда училась в колледже, получила специальность библиотекаря. «Встречалась с парнем, сначала все было хорошо, — вспоминает она. — Потом он узнал, что я беременна, и сказал, что надо расстаться. У меня уже срок был большой, врачи запретили мне прерывать беременность. Сказали, что надо рожать и что ребенка смогу оставить в роддоме. Я поехала в Москву. Родители сказали мне, что с ребенком меня домой не примут. Они у меня строгих правил. Когда я родила, то хотела оставить ребенка в больнице. На время — пока не найду работу и жилье. Но мне дали телефон этого приюта. Я позвонила, и меня приняли».

За полгода Яна оформила временную регистрацию и детское пособие, встала на учет в поликлинику, благодаря чему Денису недавно сделали операцию на легких в МОНИКИ.

Теперь она надеется найти работу — пока на дому: например, оператором в такси. Фонд поможет снять жилье. О возвращении в Рязань она не думает: родители, хотя однажды и навестили дочь и внука, остаются непреклонными; отец Дениса женился; а больше никого у нее там нет.

«Когда устрою Дениса в сад, то и о работе серьезно подумаю, — говорит девушка. — Сейчас я его надолго оставить не могу, душа болит». Она с улыбкой смотрит на щекастого малыша: «Я очень рада, что сюда попала. Если бы оставила Дениса в роддоме, то не смогла бы его забрать обратно».

В светлых, уютных комнатах в кроватках спят младенцы. Мамы, молодые и не очень, готовят обед, убирают в доме, стирают и развешивают белье. Одно из условий пребывания в таком приюте — полное самообслуживание. «Женщина, поступающая сюда, знает, что здесь никто не будет готовить для нее и ухаживать за ней и ребенком, все это должна делать она са-

ма, — говорит директор приюта Диана Зевина. — Наша задача — обучить ее тому, чего она не умеет». Мамы, попадающие в этот приют, много чего не умеют. Молодые мамы не знают, как ухаживать за ребенком, играть с ним, развивать его. Этому их обучают на специальных тренингах, которые тут проводятся дважды в неделю.

Программа «Зрелое родительство» — уникальный тренинг для мам и малышей, он помог бы и вполне «стабильным» дамам подготовиться к рождению ребенка: на нем учат справляться с депрессией, решать личные проблемы, взаимодействовать с ребенком, понимать его потребности. Не все девушки, воспитывавшиеся в детских домах или в асоциальной среде, умеют готовить, ухаживать за ребенком, содержать комнату в порядке. Всему этому их тоже учат. Кроме этого, с ними работает психолог, а юрист разъясняет женщинам их права, готовит документы для получения детского пособия и единовременной выплаты по рождению ребенка, помогает с регистрацией, оформлением детей в поликлинику. Сюда, как правило, попадают женщины, которым из роддома просто некуда идти. Получив крышу над головой и сохранив ребенка, молодая мать параллельно социально адаптируется в обществе. Все групповые занятия обязательны, их посещение — одно из условий пребывания в приюте.

Есть и другие правила: в приюте запрещено употреблять алкоголь или наркотики, нецензурно ругаться, применять насилие в отношении детей и других женщин. «Был один случай, когда женщина вела себя агрессивно, дралась с другими жильцами, нам пришлось отказать ей, — говорит Зевина. — Но она не на улице, живет с родственниками».

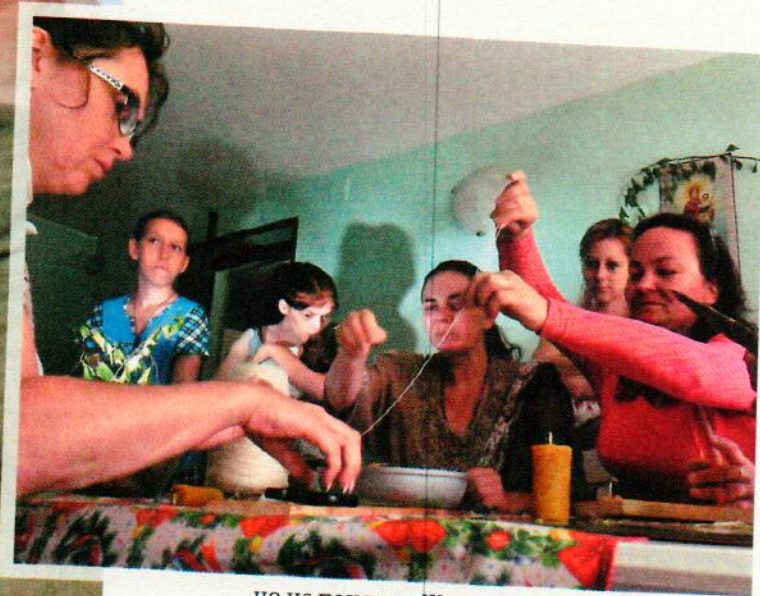
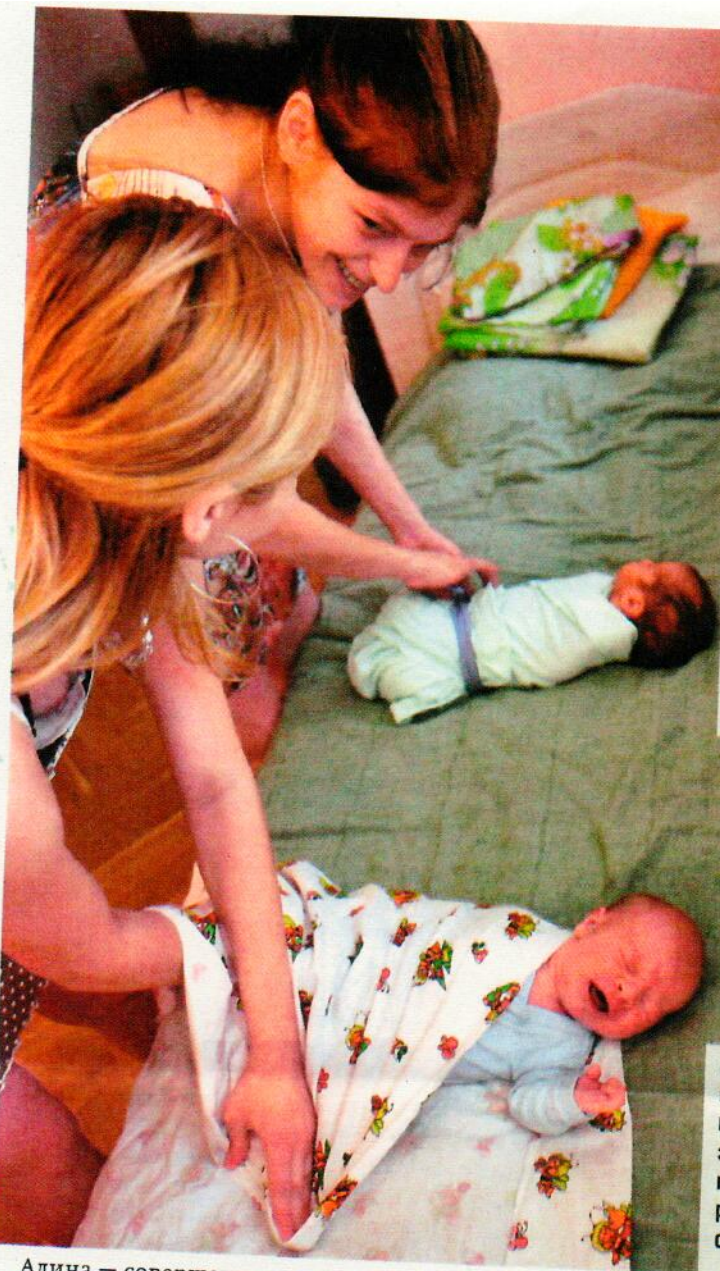
Дорога в «Теплый дом» лежит через роддом, объясняет Зевина: «Обычно нам звонят уже из роддома. С несколькими родильными домами у нас подписаны договоры, и мы плотно сотрудничаем. Когда сигнал поступает, наш сотрудник, психолог, едет и общается с женщиной. Если она не нарко- или алкоголезависима и не имеет психических заболеваний, мы предоставляем ей кров. Крыша над головой — самое главное. Как правило, роженица решает отказаться от ребенка, потому что ей негде жить, она не сможет найти работу с ребенком на ру-

ках. Наш контингент — женщины без московской прописки, в социальные службы города они не обращаются. Чаще всего это трудовые мигрантки из российских регионов, гораздо реже — из стран СНГ. Это, как правило, не маргинальные люди, они самостоятельны, умеют работать и зарабатывать, просто им нужна помощь в первые месяцы после родов».

Истории обитательниц приюта очень похожи. Они приезжают учиться или работать в Москву, живут в общежитиях, рожают здесь детей, а возвращаться им некуда — часто это выходцы из неблагополучных семей или детских домов. Даже если у девушки есть родители, то родители не хотят принимать ее с ребенком. «Сейчас выросло поколение 1990-х, у него огромные проблемы с жильем: либо родители продали жилье и ютятся в коммуналке, либо вообще нет своего жилья», — говорит Зевина.

Ольге 32, ее дочери Алине два года. Ее семья живет в Астраханской области. В детстве Ольге диагностировали ДЦП, мать отдала ее в детский дом, а родственники забрали и воспитывали у себя. «Мне было 18, пособие по инвалидности больше не платили, я стала понемногу пытаться работать, — рассказывает Ольга. — В киоске торговала, там моей инвалидности и не видно было». Потом она уехала в Москву. О том, что Ольга родила ребенка, по ее словам, знает вся ее родня: «Но они мне сразу сказали, что меня не примут. Они считают, что я их позорю. Ну, пусть. А я думаю, что позорно было бы ребенка бросить». Ольга говорит, что чужие люди ей ближе, чем родные: «В этом приюте мне помогли оформить инвалидность третьей группы, которой у меня не было с 18 лет — мне просто никто не помог это сделать. Здесь мне помогли оформить детское пособие, сделать временную регистрацию, пенсионное удостоверение. Когда я пришла сюда, у меня был только паспорт».

Ольга уходит на сопровождаемое проживание, объясняет Зевина, и сопровождать ее и ребенка специалисты будут долго. Если хозяева арендованной квартиры в одном из подмосковных городов пойдут навстречу и сделают Ольге временную регистрацию, можно будет попробовать устроить Алину в сад. Ольга знает, что будет сложно, но ей хочется начать новую жизнь: «Здесь я место занимаю, а многим девушкам сейчас труднее, чем мне». ▶

Многие молодые мамы не знают, как ухаживать за своими детьми, поэтому в приютах регулярно проводят обучающие тренинги

Алина — совершенно здоровый, подвижный ребенок. С лопаткой для песка она носится по дому, норвит залезть в подвал, где ее периодически перехватывают мамы. Ее любят педагоги и обитатели приюта. «Ради нее я очень постаралась», — обещает Ольга.

Сроки пребывания в «Теплом доме» индивидуальны. Кто-то (таких большинство) возвращается домой — для этого специалисты приюта обычно проводят долгие переговоры с родными. Кто-то — на прежнюю работу, если удастся устроить ребенка в сад. Иногда фонд «Волонтеры в помощь детям-сиротам» помогает снять квартиру в Подмоскowie на несколько семей. Женщины устраиваются на сменную работу: пока две работают, две сидят с детьми, и наоборот. Первые два месяца фонд оплачивает квартиру, потом женщины справляются уже сами. «Но мы их сопровождаем долгое время, — говорит Зевина, — помогаем с одеждой, продуктами питания, а если у женщины возникает новая критическая ситуация, она может вернуться в «Теплый дом». Таких случаев, правда, было мало».

Если бы с детскими садами в стране не было таких сложностей, то большинство проблем одиноких мам можно было бы решить быстрее и проще. Устроить ребенка в детский сад для женщины без постоянной регистрации практически невозможно. Но с ребенком на руках она не может устроиться на работу, не может зарабатывать и планировать свою жизнь.

Главная проблема таких мам — отсутствие постоянной регистрации в Москве. Без нее они не могут обратиться в государственные кризисные центры. Диана Зевина считает, что это несправедливо: «Приехала девушка из Костромы, попала в кризисную ситуацию — и она никому не нужна. Ей проще отказаться от ребенка, чем оставить его рядом. Я еще могу понять, когда речь идет об иностранных гражданах, и российский бюджет не готов оказывать им социальную помощь, хотя, если рассуждать цинично, женщины из стран ближнего зарубежья оставляют детей в роддомах, и это все равно в итоге нагрузка на бюджет. Но когда мы говорим о россиянках, этот подход совершен-

но не понятен. Женщины, имеющие временную регистрацию в Москве или Подмоскowie, не всегда могут прикрепить ребенка к поликлинике, а о детском саде нечего и мечтать».

Анжела из Дагестана. Ей было 20, когда ее «украл» незнакомый 18-летний парень. Воровство невест — все еще распространенная традиция в некоторых кавказских республиках. Родители Анжелы хотели вернуть ее домой, но она отказалась: «У нас так принято — если украл, значит, надо за него выйти. А не выйдешь, будет позор: скажут, что тебя обесчестили, и никто больше на тебя не посмотрит. В лучшем случае отдадут за старика. Я подумала и осталась». Но жизнь в новой семье не задалась: муж не работал, а после рождения дочери дома появлялся от случая к случаю. Платить за съемное жилье было нечем. «Моя мать живет вторым браком, квартира маленькая, у нее свои дети, мне с ребенком там места не было, — рассказывает Анжела. — Я решила ехать в Москву на заработки, дочка осталась у моей тетки. Я надеялась, что заработаю, куплю небольшой участок земли с маленьким домом где-то в Тверской области и уеду туда жить. Приехала в Москву, устроилась на работу — для начала вахтером в общежитие. Узнала, что беременна. Мужу я ничего не сказала, ему все равно. Родным тоже — если узнают, дочку мне придется забрать, а куда я с двумя детьми денусь? С работы меня не выгнали, за это спасибо. А из роддома я попала сюда».

Анжела — красивая, активная, общительная женщина, она лучше всех в приюте готовит плов и часто вызывается на кухню вне очереди. Свою историю она мне рассказывает, стоя у плиты, пока ее новорожденный сын спит в кроватке.

Надежд и планов у нее полно: специалисты объяснили, какие преимущества дает ей рождение второго ребенка, и теперь Анжела надеется получить материн-

ский капитал, купить тот самый дом в Тверской области и забрать дочь. «Я работы не боюсь, детей прокормлю, главное, чтобы была крыша над головой», — уверенно говорит она.

Каждая история, рассказанная мне в этом приюте, — по большому счету история о том, как в стране не появился еще один сирота. Но возможности таких приютов слишком малы. Фонд «Волонтеры в помощь детям-сиротам» арендует этот дом в Подмосковье за 96 тыс. рублей в месяц. Это деньги, которые фонд собирает благодаря частным пожертвованиям. Купить землю в ближнем Подмосковье и построить там большой приют у НКО нет возможности, хотя, по мнению руководителя фонда Елены Альшанской, собственный приют позволил бы принимать больше женщин и тратить больше средств на программы поддержки таких семей. «Наш приют — это капля в море», — считает директор приюта Диана Зевина. — Но есть надежда, что такие приюты будут появляться повсюду. Сейчас есть интерес в этом направлении и у государственных структур, и у некоммерческого сектора».

Приют работает с января 2011 года. За это время через него прошли 20 женщин. Из них в итоге только одна отказалась от ребенка — не смогла вернуться с ним в свою прежнюю жизнь. Но ребенок не попал в детский дом, а воспитывается в приемной семье, чему очень способствовал фонд «Волонтеры в помощь детям-сиротам». «Только не в детский дом» — железное правило фонда.

В одном из старых переулков Москвы в историческом здании расположился социальный приют «Дом для мамы», открытый при Русской православной церкви. Детские коляски у входа, маленькие, светлые помещения внутри — для спален, столовой, групповых занятий.

Олеся приехала в Москву из Тулы 12 лет назад. Работала кассиром-операционистом в банке. Вышла замуж за москвича, родила ребенка, жили плохо, часто ссорились, муж ее бил. Свекровь не прописала ни Олеся, ни ребенка. «Когда я ждала второго ребенка, Ивана, муж меня выгнал. Я еще могла работать, сняла комнату в Домодедовском районе. Но Иван родился болезненным, перенес коклюш, ему пока нельзя делать прививки, он не ест твердой пищи, и по этой причине я не могу устроить его в детский сад. Ребенок беспокойный, кричит, работать пока не могу. Пошла к священнику в церковь, все рассказала. Он посоветовал прийти сюда, в этот приют», — вспоминает она.

Ивану почти два года, врачи говорят, что скоро он окрепнет и сможет ходить в сад. Но до этого «скоро» может пройти

Несмотря на то что приют открыт при РПЦ, он принимает женщин любого вероисповедания, и иногда сюда попадают мамы из Кавказского региона или Центральной Азии

еще год. Для Олеси и ее детей год без работы и средств к существованию — верная смерть. В приюте ей дадут возможность отдохнуть и хотя бы какое-то время не думать о своих проблемах. «К нам часто попадают женщины на грани отчаяния», — говорит директор приюта Мария Студеникина. — Для них временная передышка очень важна. Здесь есть крыша над головой, пища, и отсюда ее никто не выгонит: мы выпускаем женщин, только когда знаем, что им есть куда идти».

Социальный приют «Дом для мамы» был открыт православной службой помощи «Милосердие» в феврале 2012 года при Синодальном отделе по благотворительности РПЦ. Студеникина рассказывает, что идея назрела давно: слишком много женщин в Москве отказываются от своих детей из-за социальной неустроенности или бедности, а обратиться им некуда — большинство таких мам не имеют московской регистрации. Возможность открыть приют появилась, когда мэрия Москвы отдала РПЦ под социальный приют одно из зданий в центре города в безвозмездное пользование. «Мы выиграли грант Национального благотворительного фонда на 1,8 млн. рублей, сделали ремонт, купили мебель и необходимое оборудование», — говорит Студеникина. — Коммунальные платежи и зарплату сотрудникам оплачивает фонд Василия Великого. Расходы на питание, подгузники и одежду помогает покрывать служба фонда «Милосердие», которая существует на частные пожертвования».

За год с лишним через приют прошло более 45 женщин, одновременно в нем могут находиться восемь мам с детьми.

17-летняя Нина с новорожденным Давидом встречает нас на третьем этаже приюта: сюда она пришла две недели назад из роддома. Нина с семьей — беженцы из Абхазии начала 1990-х. Жили в Липецке. Семья строгая, девушка долго скрывала, что встречается с парнем и собирается за него замуж. Как это часто бывает, парень передумал, Нина уехала за помощью в Москву к тетке. Тетка ее прописала у себя, но, узнав, что девушка беременна, тут же выписала. Брат Нины работает в Москве, он сочувствует сестре, но считает, что ребенка ей надо было оставить в роддоме. «Мне все родные так и сказали: „Оставь ребенка в роддоме, может, его хорошая семья заберет и воспитает, а с то-

бой будет в нищете жить“, — рассказывает Нина. Но отказываться от ребенка она не захотела, и с семьей теперь порваны все связи. Надо искать работу. С маленьким ребенком работать можно только на дому, диспетчером, но Нина уверена, что не пропадет. В приюте несколько раз в неделю женщин учат на специальном станке изготавливать дорожные наборы ниток; еще почти все обитательницы приюта умеют делать восковые свечи в форме цветов. Нина теперь тоже умеет делать свечи. Выглядят они красиво, и иногда приют получает заказы от ресторанов — так мамы получают возможность зарабатывать. «Все, что женщины зарабатывают от продажи ниток или свечей, остается у них», — говорит Студеникина, — это их заработок, так они могут собрать немного денег на будущее. Иногда девушки у нас за день зарабатывают до пяти тысяч рублей, — если есть большой заказ на свечи».

В этом приюте, как и в «Теплом доме», необходимые условия для проживания — самообслуживание и прохождение обучающих курсов. Работать обязаны все. «Мы считаем, что таким образом можем дать девушкам хоть какие-то навыки, какую-то возможность зарабатывать, и они сумеют выжить потом, когда отсюда выйдут», — объясняет Студеникина.

Несмотря на то что приют открыт при РПЦ, он принимает женщин любого вероисповедания, и иногда сюда попадают мамы из Кавказского региона или Центральной Азии. «Мы принимаем всех, у кого нет жилья и поддержки родных», — говорит Мария Студеникина. — Если у женщины есть жилье, но нет работы, и маленький ребенок, мы оказываем ей помощь на дому: помогаем одеждой, продуктами питания. У нас проводятся курсы психологической поддержки, курсы для беременных, прийти может любой желающий».

Выходов из кризиса для женщины, попавшей в этот приют, несколько: специалисты пытаются наладить контакт с ее родными или помогают снять жилье для нескольких мам с детьми. Иногда, не справившись с самостоятельной жизнью, женщины возвращаются сюда снова. Но таких, по словам Студеникиной, немного.

«Сегодня при Церкви в разных регионах работают более 50 центров защиты материнства и детства», — говорит пресс-секретарь Синодального отдела по цер- ▶

«Не жертва должна доказывать, что по отношению к ней совершалось насилие, а правоохранительные органы должны доказывать это»

ковной благотворительности РПЦ Василий Рулинский. — В 13 городах России открыты социальные приюты для беременных и мам с детьми. В Иваново, например, такой приют функционирует уже девять лет. Эти приюты и центры защиты материнства существуют на средства благотворителей. Есть крупные бизнесмены, которые ежегодно выделяют на создание таких региональных проектов более десяти миллионов рублей. Но в Москве мы в большой степени зависим от обычных людей, частных жертвователей, мы называем их «друзьями милосердия». Я думаю, такая общественная активность связана с тем, что пришло наконец понимание важности социального служения, помощи семье, ведь сегодня кризис семьи в России очевиден».

В Северо-Западном округе Москвы уже более семи лет работает центр социально-правовой и психологической поддержки женщин «Надежда» при департаменте социальной защиты населения города Москвы. Его контингент — женщины, попавшие в трудную жизненную ситуацию. Это довольно большое здание, похожее на детский сад, с забором, круглосуточным постом охраны, детской площадкой во дворе, игровыми комнатами и собственным пищеблоком.

Содной стороны, возможности центра ограничены тем, что принимают здесь только женщин с постоянной московской регистрацией: заведение финансируется из московского бюджета. С другой — его аудитория увеличивается за счет того, что помощь оказывается не только мамам с детьми, попавшим в сложную ситуацию, но и женщинам, страдающим от побоев в собственной семье, или женщинам, переживающим бракоразводный процесс, которых бывшие родственники выдавливают на улицу.

«У насилия нет возрастного ценза, — говорит директор центра Наталья Паздникова. — Нам может обратиться любая жительница Москвы при условии, что женщина готова не только принимать помощь, но и сама активно участвовать в решении проблемы. Случаи у нас за семь лет работы были самые разные: женщины не могли поверить в себя, в свои силы, и им нужна была помощь психолога. Была пожилая москвичка, которая по простоте душевной подарила сыну квартиру и оказалась вынуждена мыкаться по чужим углам. Покупать или выдавать жилье не в нашей компетенции, но если есть правовая возможность помочь женщине, например, встать в очередь на жилье, мы это делаем. Если такой возможности нет, женщина либо возвращается домой, либо ищет съемное жилье. Сегодня государ-

ство не может защитить жертв домашнего насилия, без участия самой жертвы невозможно вести судопроизводство, а наша помощь — временная».

Среди женщин, получающих здесь помощь, довольно много пострадавших от семейного насилия. Встречаются и такие, кого бьют дети или внуки, требуя денег на спиртное или наркотики. «Часто женщины, столкнувшиеся с насилием в семье, не знают, как на это реагировать, куда идти, кому рассказать, — рассказывает Паздникова. — Они испытывают комплекс вины. Иногда в таких ситуациях работают дети. С подобными случаями работают наши психологи, а также правовая служба — мы консультируем женщин по вопросам судопроизводства: это может быть бракоразводный процесс, ограничение в родительских правах, назначение алиментов».

Паздникова говорит, что сегодня доказать факт насилия в отношении женщины в ее семье очень сложно: «У нас в стране нет института частного обвинения, тогда как за рубежом он существует — мы об этом знаем, у нас были стажировки по обмену опытом со специалистами в этой области. Что это значит? Это значит, что вы подверглись насилию и сами же должны это доказать. Но часто у женщины на это нет ни сил, ни возможностей».

В целом проблема домашнего насилия связана с пробелами в законодательстве: по мнению Паздниковой, в России нужен отдельный закон о насилии в семье, и с 1994 года она с коллегами, работающими в сфере защиты женщин от домашнего насилия, пытается убедить в этом законодателей: «Не жертва должна доказывать, что по отношению к ней совершалось насилие, а правоохранительные органы должны доказывать это. Но законодатели говорят нам: „Дайте экономическое обоснование под такой закон“».

Сегодня кризисный центр может оказать таким женщинам только психологическую и правовую поддержку. «Иногда этого оказывается достаточно для того, чтобы женщина перестала чувствовать себя жертвой, нашла в себе силы начать новую жизнь», — резюмирует директор «Надежды».

И все же самая уязвимая категория клиентов центра «Надежда» — именно женщины с детьми, что видно даже из статистики: с 2006 года стационарную помощь тут получили 1172 женщины и 994 ребенка. Проблемы женщин и детей очень ча-

сто связаны с тем, что им просто негде жить. «Главная причина кризисных ситуаций — жилищный вопрос, — объясняет Паздникова. — Часто после развода люди продолжают жить в одной квартире, в тяжелой атмосфере неприязни, ненависти, насилия. Страдают, конечно, в первую очередь дети. И в такой ситуации наша главная задача — оказать помощь женщине и ее ребенку, не разлучить их. Наше учреждение — единственное в Москве, где мать и ребенок, попавшие в кризисные ситуации, находятся вместе. Это, можно сказать, наша главная цель — чтобы ребенок не попал в сиротское учреждение. И пока что мы с ней справляемся».

Кардинально решить проблемы таких семей невозможно — законодательство не предусматривает предоставление жилья женщине с ребенком при разводе. Если жена является только пользователем жилья, то при разводе она может быть выселена из квартиры как бывший член семьи. Если суд еще не вынес решение о выселении, то юристы центра могут помочь: при грамотной правовой поддержке дело может решиться в пользу женщины и несовершеннолетнего ребенка.

Но часто случается так, что решение уже вынесено, и тогда единственный выход — договориться с семьей. «В таких случаях мы ведем переговоры, убеждаем семью принять женщину обратно, — рассказывает Паздникова. — Переговоры в подобных ситуациях — наша главная миссия. Если конфликт не может быть урегулирован и жить в семье больше невозможно, тогда женщина уходит на съемное жилье. Обычно, чтобы найти работу и снять комнату, ей нужно время — и это время мы ей даем: в нашем центре она может жить два-три месяца».

Помощь в кризисной ситуации — это по большому счету уже постфактум. Гораздо важнее, по мнению специалистов центра, предупреждать кризисные ситуации. Для этого здесь каждый день ведут прием психологи, специалисты по социальной работе, юристы. За год консультационные услуги в центре получают более 6 тыс. человек. Прийти сюда может любой москвич. Тут проводят курсы общения с маленькими детьми, курсы для беременных, а также клуб для молодых пап. Главное, о чем просят, — никогда не забывать, что прийти в центр не стыдно, даже если у вас в семье все хорошо. И еще — что от кризисных ситуаций не застрахован никто.